

«Старик звал».

— Так зачем пришёл?

— Точно не знаю.

— Значит, даже причину догадаться не можешь — глуповат, видимо.

— Мне только сказали, что встречу знакомое лицо.

От того, что его назвали дураком, Ын Юль не вспыхнул. После таких слов ему совсем не хотелось продолжать разговор с Кан Ха Джуном. Хотелось лишь, чтобы тот поскорее убрался.

— Вряд ли этим «радостным лицом» окажется тот, кто собирается пожалеть тебя...

— Я и сам не знаю. Тогда всего доброго.

Ын Юль ограничился прощальными словами и повернулся к выходу. Никаких особых чувств от встречи с Кан Ха Джуном у него не возникло — хотелось лишь поскорее увидеть старика. Он обвёл глазами округу и заметил его неподалёку. Депутат Хан Чхоль Сын, заметив Ын Юля, извинился перед окружающими и подошёл. Пока Ын Юль с нетерпением ждал, когда старик окажется рядом, задумавшийся Кан Ха Джун вдруг заговорил:

— А если это я?

— Что ты сказал?..

Слишком уж спокойно это прозвучало, и потому Ын Юль, уже решивший проигнорировать Ха Джуна, всё же обернулся.

— Человек, который знает, что ты работаешь в закуской у Су-и, кроме того, кто тебя позвал, — только я.

Глаза Ха Джуна смотрели прямо и уверенно, словно его слова были неоспоримы. От такой наглости у Ын Юля отвисла челюсть. Как можно быть настолько бесстыжим? Но самое странное — это бесстыдство ему почему-то шло.

— Ошибаешься.

Ответил за него другой — депутат Хан Чхоль Сын. Он, улыбаясь, словно приветствуя Ын Юля, потрепал его по голове и поправил Ха Джуна:

— С чего бы вам радоваться встрече друг с другом? Нет, не он.

При прямом отрицании старика Ын Юль скользнул взглядом на Ха Джуна: у того от досады приподнялась бровь.

— Пойдём. Там тебя ждёт по-настоящему радостная встреча.

Депутат обнял Ын Юля за плечо и повёл. Он подвёл его к тем самым людям, которые чуть раньше едва не обменялись слезами и деньгами.

Значит, и правда не Кан Ха Джун...

— Отменить помолвку?

— Да.

Хён Чжэ Ха снял очки, увидев, кто без стука ворвался в его кабинет. С появлением этого человека работать дальше стало бессмысленно.

Суровые приподнятые брови, высокий нос, упрямо поджатые губы — даже с возрастом у Нам Гун Хёка сохранилось лицо бунтаря. Атмосфера вокруг него почти не изменилась со школьных времён, подумал Чжэ Ха, поднимаясь с кресла.

— Нам Гун Хёк. Я же говорил — стучи.

— Стучал, если не услышал — твои проблемы.

— Не стучал.

— Будем каждую мелочь разбирать? Лучше скажи, почему помолвку отменил.

Чжэ Ха налил кофе, поставил кружку перед Хёком и сел с собственной чашкой.

— Не хочу выглядеть так, будто только я держусь за это.

— Что?

— Словно этот брак нужен лишь мне одному.

— Поэтому отменил?

— Угу.

— Ты хоть представляешь, сколько лет я ждал...

Возмущённый Нам Гун Хёк уже было приподнялся, но, встретив взгляд Чжэ Хи, снова сел. Каким бы выбивателем долгов он ни был, отец на его месте только бы расхохотался, видя, как сын стушевался.

Сняв галстук и резко бросив его на стол, Хёк раздражённо сказал:

— Может, лучше сразу расстаться? Мне тебя не понять. Ни тебя, ни Кан Ха Джуна. Тот псих совсем с катушек съехал после одного странного поступка. Чужие долги зачем-то сам выплатил...

Слово за слово, и Хёк вдруг осёкся. Сказанное уже нельзя было вернуть. Чжэ Ха поставил кружку на стол и вперил в него взгляд.

— Что ты сейчас сказал?

Ошибся. При нём об этом упоминать было нельзя. Хёк замялся, отвёл глаза, потом обречённо выдохнул:

— Помнишь того парня, что всем трезвонил, будто он любовник Ха Джуна?

Дальше объяснять не требовалось. Чжэ Ха сразу понял, о ком речь. Убедившись по выражению его лица, Хёк кивнул:

— Сначала требовали у него всё отдать, а как остался ни с чем — Ха Джун зачем-то сунул ему пятьсот тысяч.

Хёк склонил голову набок:

— У моего отца есть привычка: обобрав кого-то до нитки, он обязательно кидает сверху пятьсот тысяч вон. Никогда раньше копейкой не разбрасывался, а тут вдруг подачка. Думаешь, приятно? Да это унижение. Но отказаться не можешь. Так он многих добивал морально. Я думал, и Ха Джун так же поступил.

Чжэ Ха смотрел на остывший кофе.

— А ведь зазнавался он жутко, всё кичился родительской «ценой жизни». Я, когда видел, как он тебя донимал, сам его возненавидел.

Вспомнив, Хёк сжал кулаки. Потом, когда довели его до краха, он сам его изрядно поколотил, но и этого казалось мало.

— Дальше говори.

До этого момента Чжэ Ха всё знал.

— Ах да. Ты же не слышал.

Рассказ увлёк его, он не заметил, как заговорился.

— В общем, думали, что он в гостинице за собой покончил. А он оттуда живым вышел.

Чжэ Ха резко перевёл на него взгляд — этого он точно не знал.

— Хоть и остался без гроша, но жить-то захотел. Мы уж собрались засадить его в «нору», но... не получилось.

«Нора» — место, где должников заставляли пахать телом до полного погашения. Судя по тону, сорвал дело Ха Джун.

— Он отдал долг за него и приказал не трогать. Ну мы и отстали.

Хёк развёл руками, показывая свою невиновность. Но допрос Чжэ Хи не прекратился.

— Что вы с ним сделали?

— Да ничего особенного. Просто у него было два займа: у меня и у отца.

Хёк лениво откинулся на диване.

— Свои деньги я вернул — Ха Джун отдал. А вот отцовский долг... За пять лет он вырос в разы. Только Ха Джун об этом не знает.

Хёк усмехнулся, прикидывая в уме сумму.

— Почему не сказал?

— Ну, своего рода страховка. Мало ли что он ещё выкинет по отношению к тебе. Вот и держал про запас. А теперь вот вспомнил. Может, поискать его?

Так же внезапно, как ворвался, Хёк поднялся и ушёл. В кабинете повисла тишина. Чжэ Ха глядел в тёмную гладь кофе, где отражалось его лицо.

«После того раза Кан Ха Джун совсем с катушек съехал. Делает, что вздумается».

Слова Нам Гун Хёка всё не выходили у него из головы.

Чувствуя прямой взгляд, Ын Юль прижался к старику Хан Чхоль Сыну. Используя его как щит, он укрылся от взгляда Ха Джуна и наконец смог вздохнуть свободнее. Вроде бы стоило просто проигнорировать, но в памяти то и дело всплывал Ха Ныль, и от этого становилось не по себе.

— С самого начала мой сын смотрел на тебя с каким-то восторгом. Вы ведь знакомы? — заговорил один из мужчин, упоминавший ранее о выдвижении.

Ын Юль обернулся. Тот самый человек, что пытался сунуть ему деньги, неловко кашлянул, встретившись взглядом. Вновь протянул руку — словно намекал, что теперь уж точно должен дать деньги. Но, поймав отцовский взгляд, поспешно изменил жест, будто хотел хлопнуть в ладоши.

— Это что сейчас было? — нахмурился Ын Юль.

— Хотел сказать, что позже за обедом угощу.

Вместо денег — обед. Мужчина внимательно всмотрелся в лицо Ын Юля, заметил следы слёз и облегчённо выдохнул. Видно, не был уж он таким подлецом, хоть и наговорил гадостей. Но у Ын Юля не было причин снисходительно относиться.

— Я и сам могу поесть.

— Да кто сказал, что ты не можешь? Просто я...

— Просто что?

Мужчина замялся, не находя слов. Хотелось расплатиться за прошлое хотя бы обедом, но язык не поворачивался.

— Хотел угостить. Ты почему всегда не понимаешь, что люди имеют в виду?

— А ты не понимаешь, что значит для меня твое поведение?

— ...Прости.

Мужчина резко опустил голову, и депутат Хан Чхоль Сын с любопытством посмотрел на него. Похоже, он невольно догадался, что его сын в чём-то провинился. Тогда вмешался тот самый человек, который добивался выдвижения в кандидаты:

— Чон Хун, остальное обсудите там.

— Да. Пойдём вон туда.

Мужчина схватил Ын Юля за руку. Тот кивнул — не потому что хотел перейти на другое место, а потому что наконец узнал его имя.

Как бы то ни было, они отошли, но снова почувствовался чей-то тяжёлый взгляд. Он был куда более давящим, чем раньше. Проглотив сухую слюну, Ын Юль понял: единственный способ избавиться от Кан Ха Джуна — уйти отсюда.

— Чон Хун, я домой пойду. Обед не нужен.

Он выдернул руку из хватки и развернулся. С самого начала он здесь был чужим. Держаться удавалось лишь потому, что никто открыто не выказывал презрения, но на этом предел.

— Эй, ты что, просто так уходишь?

— А мне что тут ещё делать?

— Нет... эй, дай номер телефона.

Чон Хун протянул свой мобильный, явно требуя, чтобы Ын Юль вбил туда свой номер.

— Не хочу.

Зачем, если они больше не увидятся? Игнорируя оклики Чон Хуна, Ын Юль покинул сад.

В автобусе, по дороге обратно, его лицо оставалось тяжёлым. Когда он ехал в Сеул, то лишь мельком подумал, что может наткнуться на знакомого. Но теперь на плечи будто взвалили ношу куда более тяжёлую.

Раньше он дрожал от страха, что Кан Ха Джун узнает, кто он такой. А теперь...

— Что будет, если он увидит Ха Ныль?

Бабушка узнала его с первого взгляда. Не было сомнений, что и Ха Джун не пройдёт мимо. Если только, конечно, при встрече он не догадается. Но рассчитывать на это — слишком наивно. Лучше уж вовсе скрыть правду.

Прислонившись головой к оконной раме, Ын Юль закрыл глаза. Он уже всё решил, знал, что именно нужно делать. Но тревога внутри никак не унималась.

<http://bllate.org/book/14449/1277810>